

09.03.2012, 05:11 Москва

свой опыт

Мое 5 марта

5 марта часов в 6 вышел на Лубянку — посмотреть обстановку. Соловецкий камень огорожен заграждениями и цепями ментов, в каждом закоулке по взводу ментов, на Старой площади колонна военных грузовиков с ментами же, однако Малый Черкасский (путь к ЦИКу) не перекрыт полностью, как ни странно. Час спустя я вновь подходил «на объект» уже в компании восьми человек, в их числе: Геннадий Строганов, Алексей Никитин, Татьяна Стецура, Надежда Низовкина и Вера Лаврешина. Народу оказалось не так уж много. Стецура, Низовкина и Лаврешина тотчас достали плакаты — на них набросились и свинтили. Мы ждали, что будет дальше.

Народ увеличивался, подошли лимоновцы, кого-то винтили и тащили в автозак (уж не самого ли Лимонова?) — в общем, стало живее. Менты стали провозглашать что-то вроде «граждане пешеходы, не мешайте пешеходам», потом космонавты начали оттеснять граждан пешеходов, как это обыкновенно делается на Триумфальной, настойчиво предлагая при этом проходить в метро. Ко мне подскочили с микрофоном какие-то журналисты, кажется, с немецкого 1-го канала, и пока я рассуждал перед ними, что выборы были бы нелегитимны даже без «каруселей» и фальсификаций (ибо что это за выборы, к которым допущены только те, кого лично отобрал главный кандидат?) и что пора переходить к акциям гражданского неповиновения, — появилась колонна ментов, которая отсекала меня в группе журналистов от основных сил митингующих — те оказались по другую сторону колонны, у забора, отделяющего стройку на углу Малого Черкасского. Это было досадно, тем более что наши уже начали скандировать. Наконец воссоединился с ними. Гляжу — Никитин висит на заборе и скандирует: «Россия без Путина! Путин будет казнен!» Я присоединился, вцепившись в забор.

Тут-то и началось винтилово. Меня с тычками за волосы отодрали от забора, после чего за руки, за ноги несли в автозак. Втащили в автозак — я вцепился в поручень у двери, и попробуй оторви. Между тем подносят новых, мат: «Так вашу мать, четверо мужиков с одной бабой справиться не можете!» После этого передо мной появляется и лицо «бабы» — оказывается, Низовкина. Я несколько удивился: «Да ведь тебя же свинтили раньше!» Вцепившись друг в друга, мы на какое-то время совершенно заблокировали вход, пока Низовкину наконец не оторвали и не кинули на сиденье, причем на нее навалились два или три омоновца и так всю дорогу ее и держали, прижимая к сиденью. Я же остался

держаться за поручень у входа и, улучив момент, даже выскочил из автозака и прокричал несколько раз «Путин будет казнен»! По водворении обратно решили не возиться, втаскивая меня в арестантское помещение, а приковали наручниками к поручню — так и ехал. По ходу обнаружил, что в процессе винтилова потерял шапку и шарф (шарф парижский, подарок графини Уваровой — жалко); да еще чуть было не потерял телефон, но его передали из арестантского отделения через окошко — оказалось, подобрала Ира Калмыкова, спасибо ей.

Поехали в ОВД «Замоскворечье», но, поскольку шофер дороги не знал, кружили довольно долго и наконец чуть ли не через МКАД добрались до Пятницкой. Мы же между тем договорились: с ментами никак не сотрудничать, данных не давать и т. д. Наконец приехали на место, омоновец подходит с ключами: «Поверни руку, я наручник сниму». Я не реагирую. «Ты что, хочешь так и ездить с наручником?» — «Ага». Насильно отогнули руку, выволокли за волосы и поволокли в отдел. Предлагают выложить все из карманов, я, разумеется, не реагирую. Начали шмонать под камеру опера, приговаривая про пассивное неповиновение и статью 19.3 (это в то время, когда менту собственными ручками приходилось расшнуровывать мне ботинки). Только потом один участковый догадался обратиться по форме: «Предъявите, пожалуйста, содержимое вашей сумки». Я говорю (собственно для камеры): «Я задержан не был, мне не представились, не назвали причину задержания, ваши требования незаконны». Уволокли в КПЗ.

КПЗ в «Замоскворечье» (как и в «Тверском» и, видимо, в других старых отделениях) советского и чуть ли не сталинского образца: камера метров 10, без окон, без вентиляции, без мебели (только дощатый настил на большую часть камеры, как в старых сортирах, на котором и предлагается спать) и с лампочкой над дверью, горячей одинаково все 24 часа. Я был один. Через

некоторое время заходит молодой мент, протягивает мой ингалятор от астмы, говорит вежливым и доброжелательным тоном: «Это вам пригодится». Благодарю его кивком головы. Он — уже другим тоном, официальным: «Имя, фамилия?» Улыбаясь, молча отхожу в угол и сажусь на настил. «Понял вашу позицию» — захлопнул книжку и вышел. Умный человек, однако.

Большую часть «отказников» запихали в клетку обезьянника, в том числе Низовкину, Лаврешину, Иру Травкину, Иру Калмыкову и с ними Семена Колобаева (молодой фотограф из химкинских активистов, в Химках не раз битый чоповцами). По их рассказам, обезьянник был забит: ни повернуться, ни сесть, ни встать, так что я мог почитать себя устроившимся с комфортом. Было слышно, как они поют революционные песни (причем запевала, как всегда, Кадиева), я подпевал. Мне кричат: «Мы голодаем всухую!» «Я так и знал, — отвечаю, — я тоже!» Для подъема духа, в свою очередь, начал петь всякие песни: белогвардейские, польские партизанские, махновские. Так вот, как раз когда я затянул на слова батьки Махно:

Проклинайте меня, проклиняйте
Если я вам хоть словом солгал,
Вспоминайте меня, вспоминайте
Я за правду, за вас воевал!

— дверь отворяется и появляется мент. И предлагает посадить меня из одиночки к народу (тоном искусителя: «там женщины!»), если я сам сниму и отдам ему цепочку с ключами. Я отказываюсь. «Но ведь ты же знаешь, все равно отнимем!» «Силой отнимайте, а добровольно не отдам». «Да ну, возиться еще... никто же не узнает, скажем, что силой отняли!» Я вместо ответа продолжил петь:

За тебя, угнетенное братство
За обманутый властью народ,
Ненавидел я чванство и барство,
Был со мной заодно пулемет!

Мент уходит, оставляя дверь открытой — что с его стороны было умно, потому что я в результате сам вышел и прошел в холл, где находилась клетка обезьянника и в ней все наши, встретившие меня приветственными кликами. Тут, соответственно, на меня навалились, вновь обмшмонали, сняли пресловутую цепочку и вообще вытащили все из карманов, а потом закинули в КПЗ, но уже другое, где были Строганов и Никитин. Строганов был в боевом виде: у него была порвана штанина, разодран на спине пиджак, и вдобавок его сильно ударили по почкам, отчего образовался синяк в полбока; бок очевидно сильно болел, и время от времени он принимался кряхтеть и ругаться. Голодовки они, по своим соображениям, решили не держать, и, когда принесли передачу, принялись есть и пить (я старался не смотреть). Строганову, впрочем, за отказ представляться не отдали сигарет, что в сущности тоже пытка (как пояснил начальник отделения, курить — не первая необходимость, а если наркоман попадет, ему прикажете наркотики давать? Хотя наркоманам, между прочим, дают лекарства).

На память о нашем пребывании, железная дверь камеры украсилась надписью: «Путин будет казнен!» На стене еще было выцарапано: «Путин — вор!», как привет от прежних постояльцев.

Говорят, что административно задержанным более 24 часов полагаются постельные принадлежности, горячая еда и еще что-то в этом роде, но это, должно быть, где-то на другой планете. Мы спали на голых досках, подстелив под голову собственную одежду.

На следующее утро, когда меня повели в туалет, я переговорил с сидевшими в обезьяннике и, забывшись, на вопрос «Кто с тобой в камере» назвал фамилии Строганова и Никитина. Менты, разумеется, подслушали и кинулись пробивать, почему-то по уголовной базе, но поскольку фамилию Строганова они расслышали плохо, то вскоре заходит довольный мент: «Строков Такой-то Такойтович, выходи и представляйся, мы тебя все равно знаем! Ты же в розыске, на тебе 160-я статья (присвоение и растрата)!" Не, говорим, и человек не тот и фамилия не та. Ушел.

Вдруг на несколько минут в нашу камеру заводят Колобаева, после чего выводят вместе с Никитиным. Как потом выяснилось, Колобаева отсадили из обезьянника, при этом избив, в наказание... Вере Лаврешиной, за ее нехорошее поведение.

Счет времени мы натурально потеряли, о происходящем за пределами камеры могли составлять представление самое смутное. Слышны крики — ага, женщин в суд повезли. Надо ждать, когда и нас повезут (так и не дождалась). Опять шум и крики — женщин, стало быть, обратно привезли, интересно, сколько дали и когда повезут в спецприемник? Громкий голос Кадиевой, крики «Не бейте женщину! Фашисты!» — «Наручники давай! Наручники!» — Кадиеву бьют. Я начинаю бешено колотить в дверь, открывает этакая горилла в серой форме, я ору на нее: «Что у вас тут происходит?» — горилла дает мне кулаком под дых: «Сдохнешь здесь, собака!»

Через некоторое время горилла снова отличилась. Строганов стал колотить в дверь, долго не открывали, потом открывает горилла: «Что такое?» — «В туалет выведите». — «А ты заслужил, чтобы тебя в туалет водили? Называться не хотите, а в туалет их води». Я: «Исполняйте

свои обязанности!» — за что тотчас получаю. Строганова наконец выводят, горилла вновь заходит в «хату» и наносит мне несколько довольно болезненных ударов, сопровождая их нравоучительной бранью. Ушел и книжку забрал, скотина: «И так у вас тут санаторий!» Если бы я был полон сил и энергии, то от скуки и отсутствия чтения, должно быть, готов бы был повеситься; но поскольку начала сказываться голодовка (слабость, легкое головокружение), то, в общем, оставалось лишь лежать и дремать, время от времени перекидываясь со Строгановым ругательствами и насмешками в адрес «сливных» лидеров.

Когда, по нашим расчетам, наступило уже утро вторых суток, выпустили Колобаева и Никитина — они согласились что-то там подписать. Заходил начальник отделения, соблазнял нас: «Мы же вас все равно знаем, вот вы Строганов, а вы (мне) — Серов. Подпишите обязательство о явке в суд — и вы на свободе, тем более что на Манежке опять буза, уже 15 человек привезли, идите туда и бузите». Отказались. На слова Строганова «моего товарища избили» (обо мне) начальник радушно предложил писать жалобу, прибавив угрожающим тоном: «Однако, если жалоба не подтвердится...» (Очевидно, он имел в виду статью о ложном доносе.) «Ах, не хотите? Ну так вам еще сутки сидеть здесь до 48 часов». — «Как сутки? Несколько часов, сейчас же утро 7-го!» — «Нет, сейчас 9 часов вечера 6-го». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Остались просиживать еще 24 часа, готовые к тому, что назавтра повезут в суд, где добрый наш знакомый Стеклиев и определит в спецприемник. А ведь одного слова, одной какой-то подписи достаточно... ну да ладно.

Назавтра, впрочем, и обо мне информацию пробили и заходили, похвалялись, что знают обо мне все. При этом «все» оказалось взятым из крайне тенденциозной статейки в «Викиреальности», сочиненной моими

оппонентами по Википедии. «Ты, говорят, СССР не любишь и Россию не любишь».

Примерно с часу дня 7 марта начали нормально выпускать. Сначала выпустили женщин, потом меня со Строгановым, заменив наши подписи подписями понятых. Протоколы на нас таки оформили по 19.3 (неповиновение полицаям). Перед уходом мне предлагали взять бумагу о явке в суд (суд назначен на 12 или 13), я вежливо отказался, объяснив, что ни в какие их суды все равно ходить не намерен.

Вернув телефон и выйдя, начал звонить, узнавать, что делалось в мире эти двое суток — и тут только, по выходе, я и узнал о событиях на Пушкинской площади и о том, что Татьяну Кадиеву увезли в 1-ю Градскую с переломанным носом.

В ЖЖ-сообществе «Намарш.ру» о нашем освобождении было сообщено с резюме: «Полицейские сдались на милость радикалов».

Автор — Павел Шехтман

Источник: блог [Павла Шехтмана на Грани. Ру](#)

Ещё почитать

12.03.2026 [Москва](#)

В Москве пришли с обыском к журналисткам и активистам по делу корреспондентов SOTA

Допросы жертвователей ФБК: рассказы адвокатов

По делу об отмывании денег ФБК стали вызывать на допросы жертвователей фонда. Адвокаты, сходившие с подзащитными в МВД, поделились своим мнением о происходящем.